

УДК 331.5-053.81:378:004(470+571)
JEL: E24, I2, J13, J2, J6, L86

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.771-782>

Научная статья

Е. В. МАСЛЮКОВА¹,

А. И. МАСКАЕВ¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

ВОСПРИЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ПРЕКАРИЗАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ

Контактное лицо:

Маслюкова Елена Васильевна, доцент экономического факультета, Южный федеральный университет

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, тел.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7143-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5309-8654, AuthorID: 706015

Маскаев Артем Ильич, преподаватель экономического факультета, Южный федеральный университет

Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, тел.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016>

Цель: оценка восприятия студентами и выпускниками проводимой государственной политики, направленной на поддержку молодых специалистов на рынке труда.

Методы: использованы качественные методы для анализа институтов рынка труда, проведение глубинных интервью, интерпретативный анализ дискурсов акторов.

Результаты: концептуальные выводы авторов позволяют охарактеризовать неустойчивое положение выпускников вузов в структуре прекариата на российском рынке труда. Рассмотрены два типа причин, определяющих попадание выпускников вузов в число прекариата в рамках дихотомии «опыт работы – образование». Проанализированы особенности российского рынка труда и предлагаемые меры государственной политики по трансформации традиционных форм занятости с использованием достижений цифровизации. Проведены глубинные интервью со студентами и выпускниками Южного федерального университета для оценки восприятия проводимой государственной политики и отношению к неустойчивой занятости.

Научная новизна: для понимания места и роли прекариата в структуре занятости, помимо неустойчивости, необходимо рассматривать такие характеристики, как уровень образования и уровень полученных навыков.

Практическая значимость: идентифицированные социальные ценности и особенности трудоустройства выпускников российских университетов могут быть использованы для разработки рекомендаций по совершенствованию системы мониторинга уровня прекаризации занятости на региональных рынках труда.

Ключевые слова: экономика и управление народным хозяйством; сфера высшего образования; выпускники вузов; прекариат; государственная политика на рынке труда; цифровизация

Благодарность: статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-010-00651 «Выпускники университетов как новый прекариат».

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Маслюкова Е. В., Маскаев А. И. Восприятие государственной политики в области занятости молодежи в контексте прекаризации выпускников // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 771–782. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.771-782>

The scientific article

E. V. MASLYUKOVA¹,

A. I. MASKAEV¹

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

PERCEPTION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF YOUTH EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF GRADUATES' PRECARIZATION

Contact:

Elena V. Maslyukova, Associate Professor of the Faculty of Economics, Southern Federal University

Address: 105/42 B. Sadovaya Str., 344006 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/K-7143-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5309-8654, AuthorID: 706015

Artem I. Maskaev, Lecturer of the Faculty of Economics, Southern Federal University

Address: 105/42 B. Sadovaya Str., 344006 Rostov-on-Don, tel.: +7 (863) 218-40-00

E-mail: maskaev@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7431-6978>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/O-8704-2016>

Objective: to assess the students and graduates' perception of the state policy aimed at supporting young professionals in the labor market.

Methods: qualitative methods were used to analyze labor market institutions, in-depth interviews were conducted, and interpretative analysis of actors' discourses was made.

Results: the authors' conceptual conclusions make it possible to characterize the unstable position of university graduates in the structure of precariat in the Russian labor market. Two types of reasons are considered that determine whether university graduates are included in the precariat within the framework of the "work experience – education" dichotomy. The article analyzes the features of the Russian labor market and the proposed state policy measures to transform traditional forms of employment using the achievements of digitalization. In-depth interviews were conducted with students and graduates of the Southern Federal University to assess their perception of the state policy and attitude to unstable employment.

Scientific novelty: to understand the place and role of precariat in the structure of employment, it is necessary to consider such characteristics, in addition to instability, as the level of education and the level of skills acquired.

Practical significance: the identified social values and employment characteristics of Russian university graduates can be used to develop recommendations for improving the system for monitoring the level of labor precarization in regional labor markets.

Keywords: Economics and national economy management; Higher education; University graduates; Precariat; State policy in the labor market; Digitalization

Acknowledgement: the article is prepared with the support of the Russian Fund for Basic Research, grant No. 19-010-00651 "University graduates as a new precariat".

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Maslyukova E. V., Maskaev A. I. Perception of state policy in the sphere of youth employment in the context of graduates' precarization, *Actual Problems of Economics and Law*, 2020, Vol. 14, No. 4, pp. 771–782 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.771-782>

Введение

Современное развитие рынка труда связано с возникновением новых вызовов, связанных с технологическими институциональными изменениями. Произошел глобальный переход от модели найма работников на стабильные рабочие места с традиционными отношениями между работодателем и работником к неустойчивым и незащищенным формам занятости. Постоянные рабочие места составляют лишь около половины занятости в мире и всего 20 % занятости в развивающихся регионах (Международная организация труда (МОТ) 2015). Эти изменения привели к формированию в XXI в. научного концепта прекариата, который анализируется как в рамках социологии и экономической теории, так и в других социальных науках. Впервые феномен прекариата стал предметом всесторонних исследований в работах Гая Стэндинга [1–3]. Г. Стэндинг назвал процесс перехода от постоянной, стабильной занятости к менее оплачиваемой и менее защищенной работе прекарризацией, а все возрастающую массу людей, действующих в подобных условиях, – прекариатом. «Прекариат – не просто нестандартная занятость, а ее вынужденные, незащищенные и ненадежные разновидности, при которых положение ее носителей ухудшается и становится нестабильным, негарантированным во всех аспектах: экономическом, правовом, социальном, психологическом» [4, с. 180]. Прекариат в значительной степени определяется ненадежными трудовыми отношениями, сюда могут входить, в частности, такие лица, как мигранты, временные сотрудники, стажеры, независимые подрядчики и работники, работающие неполный рабочий день [5, 6].

Цель статьи состоит в оценке восприятия студентами и выпускниками проводимой государственной политики, направленной на поддержку молодых специалистов на рынке труда.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач.

Во-первых, определить место выпускников вузов в структуре прекариата, так как он представляет

собой разнородную совокупность незащищенных работников.

Во-вторых, выделить специфические особенности российского рынка труда и проводимой государственной политики.

В-третьих, проанализировать проведенные интервью для оценки восприятия проводимой государственной политики в области занятости молодежи.

С учетом целей и задач дальнейшее изложение статьи будет реализовано в следующих параграфах: «Место выпускников вузов в структуре прекариата», «Государственная политика на рынке труда и цифровизация образования», «Восприятие выпускниками государственной политики в области занятости молодежи».

Результаты исследования

Место выпускников вузов в структуре прекариата

При рассмотрении концепции прекариата часто объектом критики становится слишком широкая трактовка данного явления, предложенная Стэндингом [7–11]. Пользуясь его определением, в состав прекариата входят как высокооплачиваемые специалисты или самозанятые – фрилансеры, сознательно меняющие сферу и вид деятельности [5, pp. 843–844; 12], так и незащищенные работники, вынужденные выбирать неустойчивую, эпизодическую занятость [3, 13]. Д. Гринштейн оценивает соотношение внутри прекариата как 20 на 80: 20 % высококвалифицированных, образованных и хорошо оплачиваемых профессионалов и 80 % низкоквалифицированных, необразованных и низкооплачиваемых работников [10, p. 4].

Таким образом, мы видим, что, помимо неустойчивого характера занятости, для анализа прекариата приобретают значение такие характеристики, как уровень образования и полученных навыков. Добавление этих переменных показывает, что выпускники вузов находятся в системе «двойной неопределенности» (рис. 1). Во-первых, это неопределенность

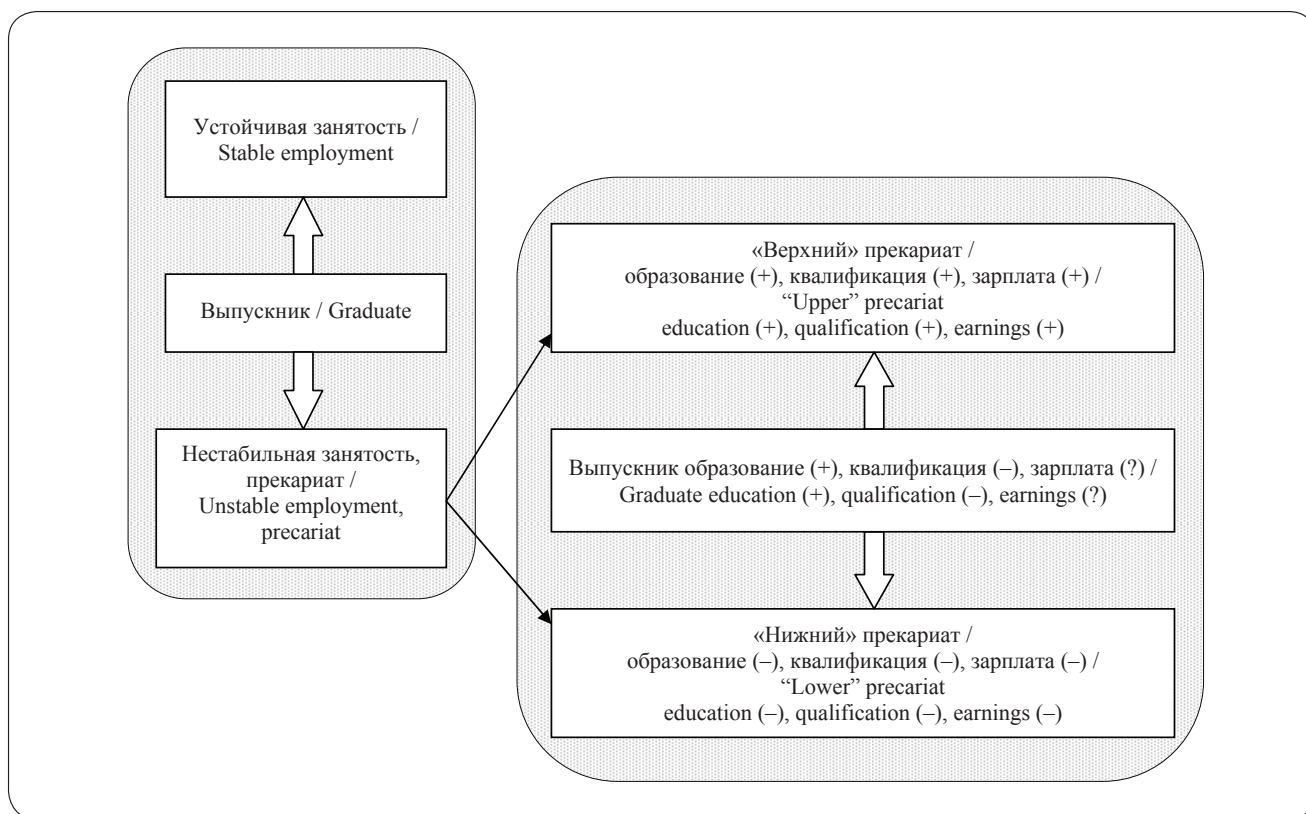

Рис. 1. «Двойная неопределенность» выпускника вуза

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. "Double uncertainty" of a university graduate

Source: compiled by the authors.

между устойчивой и неустойчивой занятостью после окончания вуза. Во-вторых, если выпускник попадает в условия нестабильной занятости, он в силу ряда особенностей занимает пограничное положение между «верхним» и «нижним» прекариатом: с одной стороны, он обладает высшим образованием (что ведет выпускника к более высокой заработной плате), но с другой – профессиональные навыки находятся на низком уровне либо отсутствуют (что негативно сказывается на доступных возможностях для трудоустройства). Предложенная схема показывает, что нельзя рассматривать в качестве прекариата только низкооплачиваемую неустойчивую занятость: выпускник университета занимает пограничное положение между верхним и нижним прекариатом.

В предыдущих работах мы выделили два типа причин, определяющих попадание выпускников

вузов в число прекариата: индивидуальные¹ и структурные (вызванные технологическими изменениями и диспропорциями на рынке труда). Объединение индивидуальных и структурных причин проявляется в дихотомии «опыт работы – образование» – совмещение работы и получения образования вынуждает делать выбор: ограничиться подработками или пожертвовать качеством образования ради построения

¹ «На эту работу соглашаются лица, особенно молодого возраста, стремящиеся найти себя, попробовать себя на разных видах деятельности, обрести производственный опыт, определиться с жизненными перспективами и предпочтениями. Они не особенно заботятся о закреплении навыков ранее полученного образования – для них особое значение приобретает поиск самого себя в жизни, в труде, в возможности проявить себя и найти лучшее применение своих способностей, в стремлении достичь некоторых, часто неопределенных жизненных установок» [9, с. 135].

карьеры [14, 15]. Что возвращает нас к пограничному состоянию выпускника университета, изображенному на рис. 1, но с рядом изменений – студент во время учебы вынужден делать выбор между получением образования или опыта работы (рис. 2). Этот выбор усугубляется противоречивыми требованиями работодателей – от молодого специалиста требуются обладание профессиональными навыками, высшее образование и наличие опыта работы. Проблемой становится сохранение низкой доли сотрудников, вовлеченных в дополнительное обучение: 15,8 % в России против 35,7 % (BEEPS) по странам – членам ОЭСР [16, с. 167]. Так, в 2019 г. расходы американских компаний с числом сотрудников свыше 100 человек на подготовку и переобучение сотрудников составили 83 млрд долларов и в среднем 42,1 часа рабочего времени на одного сотрудника [17]. Учитывая особенности современного рынка труда, не существует универсальной стратегии, способствующей гарантированному росту благосостояния выпускника. В значительной мере

проводимая государственная политика в области занятости молодежи должна влиять на выбор выпускника.

Государственная политика на рынке труда и цифровизация образования

Формирование верхней структуры прекариата в каждой национальной экономике зависит от специфических характеристик рынка труда и профессионального образования [18]. Россия обладает развитым человеческим капиталом с высоким уровнем образования и высококвалифицированной рабочей силой, огромным внутренним рынком и достаточно высоким уровнем исследований и разработок, но аспекты, связанные со свободным предпринимательством (восприятие нового и создание инноваций), представляются слабой стороной экономики [19, pp. 19–20].

Е. Гурвич и Е. Вакуленко, проанализировав макроэкономические показатели 20 стран, показали, что российский рынок труда обладает рядом особенностей. Во-первых, даже при значительном сокращении

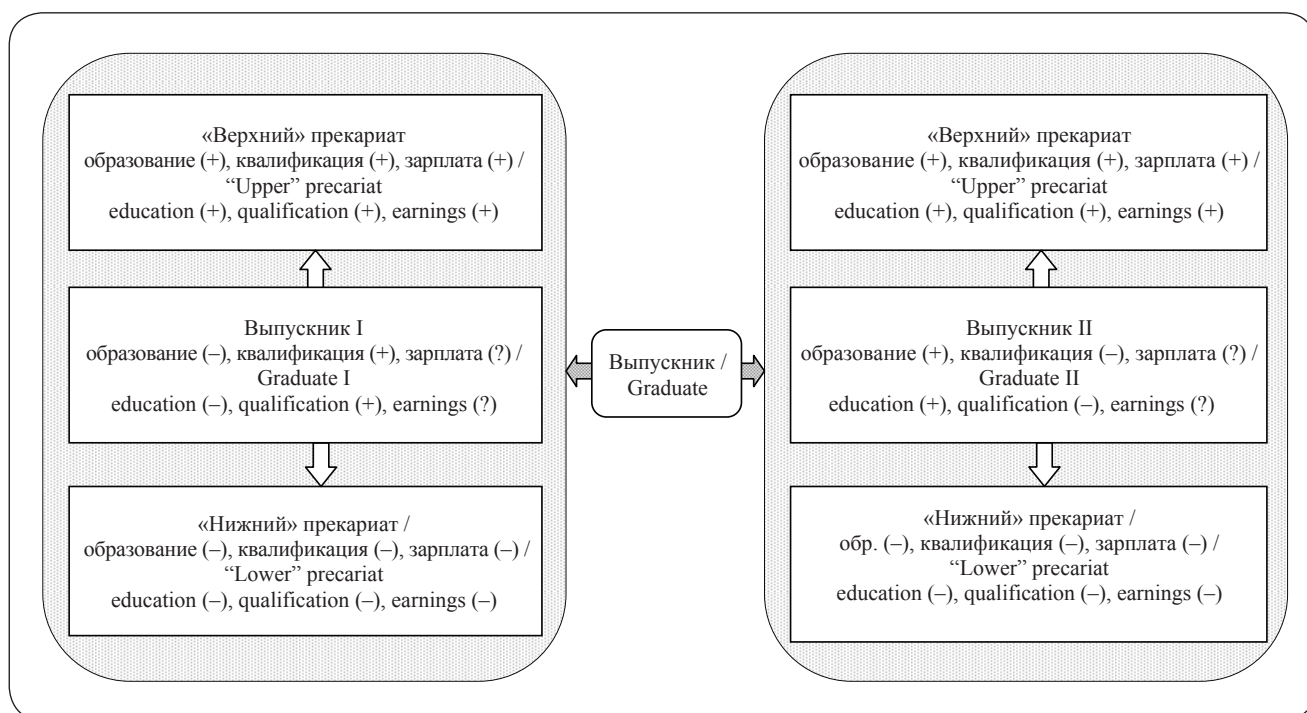

Рис. 2. Дихотомия «опыт работы – образование»

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Dichotomy “work experience – education”

Source: compiled by the authors.

темпов роста ВВП численность занятых снижается в меньшей степени, чем в других странах, – рынок труда отвечает изменением заработной платы, а не сокращением численности занятых [20, р. 412, 416–419; 21]. Во-вторых, доля оплаты труда в структуре валового внутреннего продукта продолжает расти (с 40 % в 2000 г. до 45,7 % в 2019 г. с максимальным значением в 2009 г. в 52,6 %)², что делает Россию исключением среди развитых и развивающихся стран [20, р. 413; 22]. И в-третьих, в силу географических особенностей трудовая мобильность затруднена, что ведет к значительному неравенству в уровне заработной платы в зависимости от региона. Межрегиональные различия продолжают увеличиваться: «длительный тренд конвергенции сменился в середине 2010-х гг. слабо выраженным трендом дивергенции регионов» [23, с. 67], при этом главным центром притяжения человеческого капитала и инвестиций становятся Москва, Санкт-Петербург и города-миллионники [23, с. 64–66; 24, pp. 19–20]. Наличие крупного образовательного центра становится конкурентным преимуществом экономического развития региона, ведет к увеличению человеческого капитала за счет обучения местных жителей и привлечения активной молодежи из соседних территориальных образований.

Таблица

Особенности российского рынка труда и государственная политика

Table. Features of the Russian labor market and state policy

Особенность / Feature	Решение / Solution
Инертность рынка труда / Inertia of the labor market	Новые формы занятости, почасовая оплата труда / New forms of employment, hourly wages
Рост доли оплаты труда в ВВП / Growing share of remuneration in the GDP	Сохранение тенденции и увеличение роли человеческого капитала / Maintaining the trend and increasing the role of human capital
Низкая мобильность трудовых ресурсов / Low mobility of labor resources	Цифровизация и создание единого федерального рынка труда / Digitalization and creating the common federal labor market
Неравенство в заработной плате по регионам / Inequality in earnings by regions	

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

² См. Валовой внутренний продукт по источникам доходов с 1995 по 2019 г. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab34.htm (дата обращения: 20.09.2020)

Современные информационные технологии ведут к социально-экономической трансформации экономики и рынка труда [25]. События 2020 г. показали, что рынок труда способен внедрять и использовать достижения цифровизации в повседневную деятельность, в том числе и для преодоления географической разорванности страны. Повышение производительности труда за счет применения информационных технологий рассматривается в качестве основного средства Правительством Российской Федерации и профильными министерствами. Проект общенационального плана спасения экономики предполагает создание ряда «новых возможностей» в первую очередь через цифровизацию, развитие человеческого капитала и повышение качества образования: «Развитие новых форм занятости и обучения, прежде всего дистанционных, создает потенциал для кардинальных структурных изменений на рынке труда, в сфере образования и переквалификации. Возможно существенное повышение гибкости рынка труда и образования как со стороны спроса, так и со стороны предложения, быстрая и во многом саморегулируемая подстройка системы образования и переквалификации к потребностям экономики, снятие территориальных барьеров и объединение региональных рынков труда и образования для многих профессий в один федеральный рынок с усилением конкуренции, повышением качества оказания услуг, ростом производительности труда» [26, с. 13–14]. Меры поддержки занятости и развития рынка труда можно разделить на два направления: поддержка безработных граждан; закрепление новых форм занятости и развитие рынка труда. Новые формы занятости предполагают обеспечение возможности удаленной работы и электронного документооборота; постепенный переход к почасовой оплате труда для тех, кто трудится неполное рабочее время; поддержку совмещающих обучение и работу и выпускников через создание и развитие институтов, повышающих защищенность на рынке труда [26, с. 13–14, 127–128].

Если мы рассмотрим национальные проекты «Производительность труда и поддержка занятости» (бюджет 52,1 млрд рублей), «Кадры для цифровой экономики» (бюджет 143,1 млрд рублей), «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)» (бюджет 156,3 млрд рублей), то суммарно до 31.12.2024 на эти цели будет израсходовано 351,1 млрд рублей. Не-

смотря на масштабы осуществляемых программ, как показывают интервью, в восприятии студентов и выпускников они практически полностью отсутствуют:

«Может быть, есть какие-то программы, но, значит, у меня недостаточный уровень осведомленности. Я не вижу поддержки как человек, который непосредственно сталкивается с этим [поиском работы], я этого не вижу». Мужчина, студент (бакалавриат), 21 г., Институт социологии и регионоведения.

«Это абсолютно параллельные движения, если бы все было так удачно в политике, то, возможно, не было бы высокого оттока и высокой перекалфикации выпускников. Из моей предыдущей группы по специальности «инфокоммуникационные технологии» работает один человек из 17. Говоря о государственной политике в сфере молодежи, я даже не знаю, должно ли государство ее проводить». Мужчина, студент (магистратура), 22 г., физический факультет.

Восприятие выпускниками государственной политики в области занятости молодежи

Институты и механизмы регулирования на рынке труда должны рассматриваться через призму их понимания основными акторами, которые интерпретируют правила и нормы с учетом доступной информации и опыта [27; 28, с. 10–11; 29, р. 115]. Поэтому мы должны учитывать дискурсы основных акторов при их восприятии институциональных изменений, вызванных государственной экономической и образовательной политикой.

Несмотря на то, что повышение уровня образования было одним из основных средств борьбы с безработицей в Европе и в других странах, наблюдается рост уровня безработицы среди выпускников вузов [30–32]. Несогласованность рынка высшего образования и рынка труда находит отражение в том факте, что рынок труда не способен поглотить постоянно растущую образованную рабочую силу, что заставляет политиков искать новые решения, такие как пересмотр содержания университетских программ и реструктуризация академического образования [33]. Несмотря на относительное преимущество, которым обладают выпускники университетов, условия трудоустройства стали намного более сложными: «показатели трудоустройства выпускников на полную ставку за последнее десятилетие значительно снизились, и есть

свидетельства растущего несоответствия и недостаточного использования выпускников университетов на должностях, которые не полностью или даже частично используют их с трудом приобретенные знания и навыки. Ухудшилось трудоустройство на полную ставку (с 85 % в 2008 г. до 73 % в 2018 г., если измерять полную занятость через 4 месяца после выпуска)» [34].

Эмпирическое исследование оценки выпускника-ми проводимой государственной политики в области занятости молодежи в плане соответствия образования требованиям рынка труда институциональных дисфункций базируется на данных, собранных в ходе проведения глубинных интервью со студентами 4-го курса бакалавриата и 2-го курса магистратуры, а также выпускниками Южного федерального университета различных направлений подготовки (естественно-научное и физико-математическое (семь интервью); гуманитарное и социально-экономическое (восемь интервью); психология и педагогика (одно интервью); архитектура и искусство (одно интервью)). Было проведено 17 глубинных интервью (6 мужчин и 11 женщин в возрасте от 21 до 26 лет), из которых 13 человек работали на момент проведения интервью, из них 4 респондента отметили, что работают неофициально, и 6 респондентов – что работают не по специальности; 4 респондента не были трудоустроены на момент проведения интервью, однако один имел некоторый предыдущий опыт работы по специальности. Количество необходимых респондентов определялось до точки насыщения, когда последующие интервью дают мало новой информации [35, с. 106–108]. Для отбора респондентов использовался метод экспертной сетевой выборки (*peer-referrals constituting network sampling*), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (*targeted samples*) [36, с. 74]. Полуструктурированный формат интервью включал заранее определенный перечень вопросов. Участники исследования попросили определить, как они оценивают проводимую государственную политику в области занятости молодежи в плане соответствия образования требованиям рынка труда.

В целом респонденты отмечают более сложные, чем раньше, условия трудоустройства, а также жалобы работодателей на нехватку навыков и дефицит выпускников, готовых к работе, что является следствием проводимой государством политики реструктуризации системы образования:

«Государство бездумно выделяет деньги на образование, просто чтобы заткнуть определенные дыры в бюджете. Уничтожает традиционную систему образования, пичкая новыми программами, европейскими стандартами. Востребованные при поступлении специальности к окончанию университета таковыми уже не являются. Отсюда возникает сложность трудоустройства. Опыт наших родителей с обязательным распределением после окончания вуза кажется сейчас очень привлекательным. В этом случае выпускник точно получал необходимый опыт, мог получить свое представление о выбранной профессии и уже тогда точно решить, будет связана с ней его жизнь или нужно было искать новое направление. Сейчас государство просто выделяет деньги на образование, не задумываясь о его сущности и качестве». Мужчина, выпускник бакалавриата, 26 л., Институт наук о земле.

«... в целом мне кажется, что сейчас все построено на том, что происходит все больший разрыв между требованиями рынка труда и теми возможностями, которыми обладает выпускник сразу после завершения образования. Например, это необходимость после бакалавриата идти в магистратуру только потому, что работодатели считают, что бакалавриат – это не настоящее обучение, но при этом они не готовы корректировать рабочий график магистранта так, чтобы он мог учиться спокойно». Женщина, студент (магистратура), 21 г., Институт социологии и регионоведения.

«При моем поступлении, помню, государство увеличило количество бюджетных мест на технические направления, снизило проходной балл. Но после окончания вуза этим инженерам было сложно найти работу, так как рабочие места все еще не были созданы». Женщина, выпускник, 23 г., экономический факультет.

В целом следует отметить достаточно низкий уровень осведомленности как студентов, так и выпускников о существующих мерах государственной политики в области трудоустройства выпускников. В дискурсе респондентов в качестве таких мер были отмечены ярмарки вакансий, целевое обучение, работа службы занятости:

«Я не в курсе такой политики, не знаю, какие государственные меры существуют, но с радостью бы узнал». Мужчина, студент (бакалавриат), 21 г., Академия архитектуры и искусств.

«Я знаю, что у нас есть в университетах целевые направления, то есть по контракту заключаешь договор, обучаешься, а потом должен отработать какое-то время в организации, которая предоставляет тебе возможность этого обучения. Мне кажется, это очень полезно и очень хороший опыт, потому что у тебя есть какой-то background после окончания университета. Но это, как я понимаю, не государственная поддержка, а больше частная». Женщина, студент (бакалавриат), 21 г., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации.

Мнения респондентов о том, должно ли государство помогать выпускникам после окончания вуза, разделились: только двое из опрошенных считают, что государство должно помогать молодым специалистам. Респонденты отмечали, что в целом существующая система планирования трудоустройства фрагментарна и часто противоречива, при этом в качестве таких противоречий выделяют слабый уровень взаимодействия университетов с предприятиями, недостаточный объем практических стажировок, низкий уровень осведомленности о проводимых мероприятиях, несоответствие между количеством и профилями подготовки специалистов в вузах и спросом на рабочую силу:

«Да, я считаю, что государству необходимо помогать молодым специалистам, в частности, по той причине, что очень часто на каких-то рабочих местах требуется опыт и, когда студент выходит из университета, у него не всегда есть необходимый опыт. Допустим, требуется 3–6 лет опыта работы в той или иной сфере деятельности, но если это студент, который только закончил свое обучение, у него нет за плечами такого опыта. Однако, если он ответственный и целеустремленный, он способен к обучению и к развитию на этой работе, и я считаю, что ему нужно дать шанс для этого и государство должно помогать таким специалистам». Женщина, студент (магистратура), 22 г., Институт наук о земле.

«Мне кажется, что государство, в общем-то, не должно этим (трудоустройством молодых специалистов. – Прим. авторов) заниматься. Мне кажется, хватает этих целевых направлений за счет частных организаций и, в принципе, все устроено хорошо». Женщина, студент (бакалавриат), 21 г., Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации.

«Я считаю, что каждый должен сам искать возможные варианты, и попытки сделать оценку проводимой политики очень сложно. Все, кто хотят чего-то добиться, смогут это сделать. Я не интересовался, есть ли вообще эта политика, единственное, что могу сказать, что бюджетных мест на наш факультет больше, чем поступающих». Мужчина, студент (магистратура), 23 г., физический факультет.

На основе исследования процессов прекаризации среди выпускников университетов удалось подтвердить гипотезу о том, что структура и направленность программ высшего образования не соответствуют потребностям современного рынка труда и приводят к нестабильной занятости и неустойчивости социального статуса выпускника. По оценкам опрошенных, получение высшего образования по-прежнему является жизненно важным и ценным активом для молодых работников – выпускников университетов. Следовательно, решение проблем трудоустройства выпускников должно включать более эффективные стратегии прогнозирования будущих требований к профессиональным навыкам выпускников университетов, соответствующим возможностям карьерного роста.

Выводы

Прекариат становится все более значимым социальным феноменом, который выступает предметом междисциплинарных исследований. Внимание к пре-

кариатизации занятости обусловлено ее значимыми социально-экономическими последствиями. В контексте нашего исследования мы концентрируем свое внимание на верхней части прекариата. Формирование верхней страты в структуре прекариата связано с вопросами воспроизводства человеческого капитала и развитием профессионального университетского образования.

Государственная экономическая политика, направленная на стабилизацию занятости молодежи, должна рассматриваться в связи с политикой в сфере высшего образования: развитие новых форм занятости и внедрение цифровых технологий, способствующих формированию федерального рынка труда, не даст результата без повышения уровня человеческого капитала, цифровизации образовательных организаций высшего образования и создания институтов по содействию трудоустройству выпускников и студентов.

Эффективность институциональных изменений в сфере занятости зависит от влияния мер политики на формирование устойчивых стратегий поведения студентов и выпускников вузов на рынке труда. В этом контексте важно исследовать, как выпускники воспринимают государственную политику, направленную на минимизацию диспропорций на рынке труда в контексте адаптации к технологическим, институциональным и экономическим изменениям.

Список литературы

1. Standing G. Global labour flexibility: Seeking distributive justice. Palgrave Macmillan, 1999.
2. Standing G. A precariat charter: From denizens to citizens. A&C Black, 2014.
3. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. Ad Marginem, 2014. 328 с.
4. Маслова Е. В. К вопросу о методике выявления слоя прекариев на основе анализа стандартной и нестандартной форм занятости // Вестник ВИВТ. 2017. № 2. С. 175–182.
5. Bögenhold D., Klinglmaier A. Independent work, modern organizations and entrepreneurial labor: Diversity and hybridity of freelancers and self-employment // Journal of Management & Organization. 2016. Vol. 22, № 6. Pp. 843–858. DOI: <https://doi.org/10.1017/jmo.2016.29>
6. Thelen K. The American precariat: US capitalism in comparative perspective // Perspectives on Politics. 2019. Vol. 17, № 1. Pp. 5–27.
7. Тихонова Н. Е. Прекариат и перспективы изменения социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2019. Vol. 2, № 2. Pp. 167–173. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004023-8>
8. Тощенко Ж. Т. Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // Общество и экономика, 2018. № 11. С. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020736760002497-5>
9. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография / Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
10. Greenstein J. The Precariat Class Structure and Income Inequality Among US Workers: 1980–2018 // Review of Radical Political Economics. 2020. Vol. 52, № 3. Pp. 447–469. DOI: <https://doi.org/10.1177/0486613420919250>

11. Precarization and labor resistance: Canada, the USA, India and China / J. Chan, M. Nair, C. Rhomberg // *Critical Sociology*. 2019. Vol. 45, № 4–5. Pp. 469–483. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920519827634>
12. Navigating Uncertainty in the Future of Work: Information-Seeking and Critical Events Among Online Freelancers / A. Blaising, Y. Kotturi, C. Kulkarni // *Extended Abstracts of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1145/3290607.3312922>
13. Hamid H. A., Sazali N. T. Shrinking “Salariat” and Growing “Precariat”? 2020. Khazanah Research Institute. Discussion Paper 10/20 | 10 August 2020, 50 p. URL: <http://www.krinstitute.org/assets/contentMS/img/template/editor/200810%20Informal%20Employment.pdf> (дата обращения: 05.09.2020).
14. Маслюкова Е. В., Вольчик В. В. Прекариат и высшее образование // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2019. Т. 13, № 4. С. 1579–1591. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1579-1591>
15. Маслюкова Е. В., Маскаев А. И. Институциональные изменения в высшем образовании и прекариат // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*. 2019. Vol. 11, № 4. С. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.141-155>
16. Рошин С. Ю., Травкин П. В. Дополнительное профессиональное обучение на российских предприятиях // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2015. № 2. С. 150–171.
17. Training Industry. 2019 Training Industry Report // *Training Industry Magazine*. 2019. November – December. Pp. 18–31.
18. Критерии, вероятность и степень неустойчивости занятости с учетом особенностей российского рынка труда / В. Н. Бобков, В. Г. Квачев, Н. В. Локтюхина, М. Риччери // *Экономика региона*. 2017. Т. 13, № 3. С. 672–683. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
19. László Szerb, William N. Trumbull. Entrepreneurship development in Russia: is Russia a normal country? An empirical analysis // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2018. 19 November. DOI: <https://doi.org/10.1108/JSBED-01-2018-0033>
20. Gurvich E., Vakulenko E. Macroeconomic and structural properties of the Russian labor market: A cross-country comparison // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3, № 4. Pp. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.006>
21. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Влияние экономического кризиса 2014–2016 годов на занятость россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. Vol. 2, № 138. Pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>
22. The Labour Share in G20 Economies, Report prepared for the G20 Employment Working Group (Turkey, 26–27 February 2015) / ILO, OECD. 2015.
23. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086904990005814-7>
24. Kazakova M. V., Pospelova E. Факторы межрегионального неравенства в России // *SSRN*. 11 февраля 2019. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3341400>
25. Transformation of the Russian Labor Market as a Result of Development of Internet Technologies / A. V. Bogoviz, S. V. Lobova, A. N. Alekseev, I. V. Shabarchina, V. V. Yankovskaya. In: Popkova E., Ostrovskaya V. (eds) *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. ISC 2017. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2019. Vol. 726. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_109
26. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения (проект) / Правительство Российской Федерации. 2020. 140 с.
27. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
28. Ходжсон Д. Эволюция институтов: направления будущих исследований // *Журнал экономической теории*. 2005. № 2. С. 5–24.
29. Hodgson G. M. Prospects for institutional research // *RAUSP Management Journal*. 2019. Vol. 54, № 1. Pp. 112–120. DOI: <https://doi.org/10.1108/RAUSP-11-2018-0112>
30. Crisp R., Powell R. Young people and UK labour market policy: a critique of “employability” as a tool for understanding youth unemployment // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54, № 8. Pp. 1784–1807. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098016637567>
31. Tatek Abebe. Lost futures? Educated youth precarity and protests in the Oromia region, Ethiopia // *Children's Geographies*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/14733285.2020.1789560>
32. Zamponi L. Challenging precarity, austerity and delocalisation: Italian labour struggles from Euro-criticism to Euro-disenchantment // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2020. Vol. 7, № 3. Pp. 347–377. DOI: <https://doi.org/10.1080/23254823.2020.1804962>
33. Setting New Standards for Homo Academicus: Entrepreneurial University Graduates on the EU Agenda / Laalo H., Kinnari H., Silvennoinen H. // *European Education*. 2019. Vol. 51, № 2. Pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/10564934.2018.1489729>

34. Pennington A., Stanford J. The future of work for Australian graduates: the changing landscape of university-employment transitions in Australia. Retrieved from The Centre for Future Work at the Australia Institute. 2019.
35. Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003. 301 с.
36. Отчет рабочей группы ААРОР о неслучайных выборках: июнь 2013 / Р. Бейкер и др.: пер. с англ. Д. Рогозина, А. Ипатовой; под ред. А. Чурикова. М.: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016.

References

1. Standing G. *Global labour flexibility: Seeking distributive justice*, Palgrave Macmillan, 1999.
2. Standing G. *A precariat charter: From denizens to citizens*, A&C Black, 2014.
3. Standing G. *Precariat: new dangerous class*, Ad Marginem, 2014, 328 p. (in Russ.).
4. Maslova E. V. To the question about the technique of revealing layer precarias based on the analysis of standard and non-standard forms of employment, *The Bulletin of the Voronezh Institute of High Technologies*, 2017, No. 2, pp. 175–182 (in Russ.).
5. Bögenhold D., Klinglmair A. Independent work, modern organizations and entrepreneurial labor: Diversity and hybridity of freelancers and self-employment, *Journal of Management & Organization*, 2016, Vol. 22, No. 6, pp. 843–858. DOI: <https://doi.org/10.1017/jmo.2016.29>
6. Thelen K. The American precariat: US capitalism in comparative perspective, *Perspectives on Politics*. 2019. Vol. 17, No. 1, pp. 5–27.
7. Tikhonova N. Ye. Precariat and prospects for changes in Russian society social structure, *Sociological Studies*, 2019, No. 2, pp. 167–173. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004023-8>
8. Toschenko Zh. T. On the formation of a new social stratum, termed «precariat», as a totally new phenomenon, *Obshchestvo i Ekonomika*, 2018, No. 11, pp. 25–45. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020736760002497-5>
9. Toshchenko Zh. T. *Precariat: from a proto class to a new class*, monograph, Institut sotsiologii FNISTs RAN, RGGU, Moscow, Nauka, 2018, 350 p. (in Russ.).
10. Greenstein J. The Precariat Class Structure and Income Inequality Among US Workers: 1980–2018, *Review of Radical Political Economics*, 2020, Vol. 52, No. 3, pp. 447–469. DOI: <https://doi.org/10.1177/0486613420919250>
11. Chan J., Nair M., Rhomberg C. Precarization and labor resistance: Canada, the USA, India and China, *Critical Sociology*, 2019, Vol. 45, No. 4–5, pp. 469–483. DOI: <https://doi.org/10.1177/0896920519827634>
12. Blaising A., Kotturi Y., Kulkarni C. Navigating Uncertainty in the Future of Work: Information-Seeking and Critical Events Among Online Freelancers, *Extended Abstracts of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1145/3290607.3312922>
13. Hamid H. A., Sazali N. T. *Shrinking “Salariat” and Growing “Precariat”?*, Khazanah Research Institute. Discussion Paper 10/20 | 10 August 2020, 50 p., available at: <http://www.krinstitute.org/assets/contentMS/img/template/editor/200810%20Informal%20Employment.pdf> (access date: 05.09.2020).
14. Maslyukova E. V., Volchik V. V. Precariat and higher education, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 4, pp. 1579–1591 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.4.1579-1591>
15. Maslyukova E. V., Maskaeв A. I. Institutional Change in Higher Education and Precariat, *Journal of Institutional Studies*, 2019, Vol. 11, No. 4, pp. 141–155. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.4.141-155>
16. Roshchin S. Yu., Travkin P. V. Job-Related Training on Russian Enterprises, *Journal of the New Economic Association*, 2015, No. 2, pp. 150–171 (in Russ.).
17. Training Industry. 2019 Training Industry Report, *Training Industry Magazine*, 2019. November – December, pp. 18–31.
18. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Loktyukhina N. V., Ricceri M. Criteria, Probability and Degree of Instability of Employment Taking into Account the Features of the Russian Labour Market, *Economy of Region*. DOI: <https://doi.org/10.17059/2017-3-3>
19. László Szerb, William N. Trumbull. Entrepreneurship development in Russia: is Russia a normal country? An empirical analysis, *Journal of Small Business and Enterprise Development*, 2018, 19 November. DOI: <https://doi.org/10.1108/JSBED-01-2018-0033>
20. Gurvich E., Vakulenko E. Macroeconomic and structural properties of the Russian labor market: A cross-country comparison, *Russian Journal of Economics*, 2017, Vol. 3, No. 4, pp. 411–424. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.006>
21. Tikhonova N. E., Karavay A. V. The Impact of the 2014-2016 economic crisis on the employment of Russian, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, No. 2, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.01>
22. *The Labour Share in G20 Economies*, Report prepared for the G20 Employment Working Group (Turkey, 26–27 February 2015) / ILO, OECD, 2015.
23. Zubarevich N. Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s?, *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, 2019, No. 4, pp. 57–70. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086904990005814-7>

24. Kazakova M. V., Pospelova E. Factors of Inter-Regional Inequality in Russia, *SSRN*, 2019, 11 February. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3341400>
25. Bogoviz A. V., Lobova S. V., Alekseev A. N., Shabarchina I. V., Yankovskaya V. V. Transformation of the Russian Labor Market as a Result of Development of Internet Technologies. In: Popkova E., Ostrovskaya V. (eds) *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy*. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing, 2019, Vol. 726, Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_109 2019, Vol. 726, Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-90835-9_109
26. *National plan of action providing restoration of the employment rate and income of the population, economic growth and long-term structural changes (draft)*, Government of the Russian Federation, 2020, 140 p. (in Russ.)
27. Veblen Th. *The Theory of the Leisure Class*, Moscow, Progress, 1984, 368 p. (in Russ.).
28. Hodgson G. M. Evolution of Institutes: the agenda for future researches, *Russian Journal of Economic Theory*, 2005, No. 2, pp. 5–24 (in Russ.).
29. Hodgson G. M. Prospects for institutional research, *RAUSP Management Journal*, 2019, Vol. 54, No. 1, pp. 112–120. DOI: <https://doi.org/10.1108/RAUSP-11-2018-0112>
30. Crisp R., Powell R. Young people and UK labour market policy: a critique of "employability" as a tool for understanding youth unemployment, *Urban Studies*, 2017, Vol. 54, No. 8, pp. 1784–1807. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098016637567>
31. Tatek Abebe. Lost futures? Educated youth precarity and protests in the Oromia region, Ethiopia, *Children's Geographies*, 2020. DOI: <https://doi.org/10.1080/14733285.2020.1789560>
32. Zamponi L. Challenging precarity, austerity and delocalisation: Italian labour struggles from Euro-criticism to Euro-disenchantment, *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2020, Vol. 7, No. 3, pp. 347–377. DOI: <https://doi.org/10.1080/23254823.2020.1804962>
33. Laalo H., Kinnari H., Silvennoinen H. Setting New Standards for Homo Academicus: Entrepreneurial University Graduates on the EU Agenda, *European Education*, 2019, Vol. 51, No. 2, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/10564934.2018.1489729>
34. Pennington A., Stanford J. *The future of work for Australian graduates: the changing landscape of university-employment transitions in Australia*, Retrieved from The Centre for Future Work at the Australia Institute, 2019.
35. Kvale S. *Research interview*, Moscow, Smysl, 2003, 301 p. (in Russ.).
36. Beiker R. et al. *Report of the AAPOR working group on non-random samples: June 2013*, Moscow, Obshcherossiiskii obshchestvennyi fond "Obshchestvennoe mnenie", 2016 (in Russ.).

Дата поступления / Received 28.09.2020

Дата принятия в печать / Accepted 30.10.2020

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2020

© Маслюкова Е. В., Маскаев А. И., 2020

© Maslyukova E. V., Maskaev A. I., 2020